

МОЙ НАЧАЛЬНИК

(Рассказ-быль)

Каждая стройка имеет свои особенности, как климатические, так и нравственные. Не была исключением и горно-кавказская дорога, которую строил я.

Наш жилой вагончик стоял у вокзала на возышенности. Рядом проходила трасса, которая сначала поднималась крутым извилистым подъемом в гору, а затем спускалась извилистой змеей среди ущельев в долину. Весна была не за горами. Нудный мелкий дождь все чаще и чаще переходил то в молочную морось, то в густой туман, укрывая в беду вату наше обиталище.

Мы жили втроем. Черкез - рослый, энергичного вида мужчина с правильными чертами уроженца центрального Кавказа. За годы скитания по трассам заработал себе радикулит. Шабул - выше среднего роста. Вырос на среднем Кавказе. Круглое лицо, черные глаза и молодежная прическа делали его намного моложе своих лет. За годы скитания по трассам заработал себе ревматизм. Я же выглядел среди них не таким заметным: роста среднего, исхудалый. За годы скитания по трассам Сюзэ заработал себе микроинфаркт.

Все мы числились замами - оперативниками. Выполняли боевое задание штаба Стройки. В нашу задачу входило обеспечить в любую погоду наших строителей необходимыми стройматериалами, при обеспечении безопасности движения поездов. Координатором у нас был Черкез - зам.управляющего треста. Шабул числился в замах начальника строительно-монтажного поезда по строительству промышленно-гражданских объектов. Я же ходил в замах транспортной группы при Генподрядчике по сооружению верхнего строения пути.

Трудились мы без выходных, как офицеры на учениях. Быставали в несть, ложились поздно ночью, пока всех эксплуатации-

спиников не загоним в свои тушики на ночлег. Единственный день отдыха — день перевахтовки. В этот день мы имели возможность до полудня отлеживаться, а потом готовились на последующий штурм: запасались продуктами, заправляли тепловозы горюче-смазочными материалами, подгоняли — хоппер-дозаторы с балластом и щебнем, готовили к отправке вагоны с коммерческими строительными грузами. Короче, все было как на фронте, только на трудовом.

В один из дней перевахтовки мы отдыхали от трассовых невзгод. Черкез лечил радикулит змеиным ядом, Шабул укутывал свой ревматизм специальными домоткаными шерстянными бандажами, а я, приняв очередную дозу валидола, восстанавливал ритмы сердца.

Дело шло к обеду. Былруг наш покой нарушил протяжный сигнал автомашин. Шабул приподнялся, отвернулся за занавеску окна, глянул на улицу:

— Ва, Черкез! Какая-то "Волга" подъехала! Не комкося ли заглянула, а? А мы лежим! Что нам скажут?

Черкеза как-будто ветром сдуло с постели. Одним прыжком он очутился у оконного стекла.

Шабул пристально смотрел на Черкеза. Черкез, косся то правым, то левым глазом, изучал сидящего за рулем. По лицу Черкеза Шабул заметил, что особой тревоги нет, а когда Черкез молча махнул рукой и чуть сгорбившись поковылял к своей досчатой лежанке, то Шабул совсем успокоился.

— Кто там, Черкез? — спросил он.

Черкез снова небрежно махнул рукой и с неохотой проедил сквозь зубы:

— Это новый начальник, Горбатенко.

Шабул почему-то оживился и послюбопытствовал:

— Кто он, откуда? А, Черкез?

— Какой-то учитель, — ответил Черкез. — В прошлую субботу, когда я был в трассе, слышал, что мокнатая рука протолкнула его на эту должность...

— Черкез, а что будет делать в движении этот педагог, а? — спросил Шабул.

— Посмотрим, Шабул. Во всяком случае, от этого педагога нам будет пользы, как от козла молока. Но знаю одно, — что он вложил, пока не возьмет — от него не избавишься...

"Волга" еще раз просигналила. Черкез крикнул мне:

- Горбатенко! Иди встречай своего начальника. Бог тебе на помощь послал. А о нас, как о проклятых, никто не вспоминает?...

Я сорвался с постели, исправил у зеркала физиономию, вышел на улицу.

"Волга" стояла в пятнадцати метрах от вагончика. В машине, за рулем сидел важного вида товарищ. Я подошел ближе. Начальник спешно вышел из машины, небрежно захлопнув дверцу, и картинос встал передо мной.

Начальник был во цвете лет, отличался спортивным телосложением. Хорошо слитый костюм и белоснежная рубашка подчеркивали его стройность и красоту.

- Ты, кто? - спросил он меня.

- Я? Горбатенко...

- А я, - твой начальник! Ты, - он ткнул указательным пальцем в меня, - мой зам! Понял?!

- Понял, - несколько опечив, ответил я.

Мой новый начальник фамильярно положил правую руку на мое плечо и поманил к багажнику, открыл его. Багажник был набит упаковками в целлофановых мешках и серебряной фольге. Чего тут только не было! - Свежие огурцы и помидоры, куриные с гранатами и баклажаны с орехами, хашлама и шашлык, куры, домашний сыр и коровье масло, селедка, цури, чади, хачапури трех видов, лосось, черная икра, мясо краба, ветчина импортная, ресторанные соусы, зелень...

- А теперь загляни в салон, - заправски сказал мой начальник.

В салоне лежали корзинки с напитками и выпивкой.

- І-да, - только и промолвил я.

- Всё для хлебосоли. Давай, перетаскивай живей в вагончик, - велел он.

Чтобы вывести меня из оцепенения, мой новый начальник мощной рукой хватил из салона одну корзину с выпивкой, другую - с напитками, и направился к вагончику. Там поставил корзину, поправил костюм, галстук и повернулся к Черкезу и Шабулу. Получилось несколько театрально. Он поднял кверху открытую ладонь правой руки и проклял:

- Мир вам всему покорю, товарищи!

- Мир и тебе, добрый человек! - подымая, кто правую, кто левую руку в один голос в шутку ответили Черкез и Шабул.

Мой начальник бодрыми шагами перешагнул порог отсека, исправил галстук, принял торжественную позу и стал манерно представляться. Со слов моего начальника я узнал, что его назначили, не больше не меньше, а главным Начальником управления движением.

Чтобы не смутить моего начальника, Черкез по-факирски провел ладонью по лицу и милостиво принял рапорт. Мой начальник спокойно стоял посредине отсека, сложив руки на животе, и покручивал большим пальцем.

Когда Шабул и Черкез умылись, и мой начальник по манерам определил, что старший - Черкез, он тут же протянул ему руку:

- Тузяр Хапугдурович!

Черкез вежливо поклонился руке моего начальника и сам представился по имени и отчеству. Мой начальник так же вежливо обменялся рукопожатием с Шабулой.

После этих церемоний, мой начальник повернулся ко мне с удивительным для себя вопросом:

- Где я буду жить?

Я привел его во второй отсек.

- Нет, я здесь не могу жить! Если моя мама увидит, что я здесь живу, она заплачет, - сказал он серьезно. - Товарищ Грабатенко, зачем я должен жить здесь, когда я вст с этими руками, извиняюсь, мозолистыми, - он раскрыл передо мной свои мягкие широкие ладони, - я построил себе двухэтажный дом с гаражом и подвалами. Сейчас мой дом сдается в полмиллиона! В доме - импортная мебель. У меня две "Болги": одна рабочая, другая - семейная. Моя жена - детский врач. У меня растут три мальчика. Всё у меня есть. Зачем я должен жить в этом маленьком вагончике? Всё здесь не по мне! Скажи, пожалуйста, я не так говорю? Разве маленькая эта койка выдержит мой вес? - Мизинцем он подхватил табуретку на трубчатых ножках с сидением из пресованной древесины. - Разве выдержит меня? - Нет! Ты сейчас же достань мне кресло, чтобы я мог сегодня сидеть с вами и кушать хлеб.

Мой начальник кончиками пальцев обеих рук отталкивал всё от себя. Потом притянул меня к себе и мудрой улыбкой продолжил:

- Я лучше буду жить в большом городе, там путь будет мой кабинет, а на машине я буду ездить сюда. Ты все равно здесь живешь, ты уже привык. Стройка заканчивается. Зачем мне привыкать, скажи, пожалуйста?

Положение мое было безвыходным. Я действительно привык обходиться без начальников, т.е. выполнять за них работу на месте.

- Ладно. Тузир Хапугдуррович, договорились, - смиренно ответил я. - Дострою, раз начал.

- Вот и хорошо, дорогой. Потом договоримся. Он снял свою коку и кашне, подал мне: - Повесь в своем шифоньере. Я сейчас накрою стол. Сегодня будем гулять! - Он говорил весело, громко, чтобы было слышно Черкезу и Шабуле. - Раз есть церковные праздники, так и у нас должны быть свои, - это я говорю вам. Выходной день пусть станет нашим праздником!

Мой начальник быстро принялся за хлебосольное дело, а я направился на станцию за креслом.

Запыхавшись, я поднялся на второй этаж к дежурному Дожлиани и стал просить у него кресло. Дожлиани дал. Я взялся за кресло-вертушку, но местный блатной Гондо остановил меня:

- Что можно свистнуть с "Волги" твоего нового начальника, чтобы он сразу счел профессиональность стационарных хуликов, - сказал и захихикал мерако.

- Тут, наверно, Гондо, базар не пройдет, - ответил я. - Нового начальника в окрестностях все знают. Он спортсмен и враз свернет шею. Так что, если начудите, то пеяйте на себя...

Гондо при этом известии перекосился и присвистнул:

- Аля-улья твоему новому начальнику, а остальное мы еще посмотрим...

Я принес кресло - стол был готов, только Шабул по команде моего начальника срудовал около комфорок импортной электро-плиты: то поджаривая купаты с гранатами, то подогревая баклажаны с орехами, то грел в духовке чади... Когда мой начальник убедился, что Шабул справляется с делом, он спросил у Черкеза:

- Ваш телефон, уважаемый Черкез, связан с Центром?

- Нет, только с трассой.

- Мне трасса не нужна. Мне нужно доложить Шефам, что я уже на месте, руководу движением.

Черкез обратился ко мне:

— Своди своего начальника на станцию и попроси дежурного, чтобы он связал его с его Центром. Пойдет, уважаемый Тузир?

— Я благодарен Вам, многоуважаемый Черкез! — Мой начальник поклонился ему, а потом ухватил меня за рукав и поволок за собой к выходу.

За порогом было темно.

— Слушай, — спросил он вдруг. — Здесь бродячих собак нет?

— Нет, а что?

— А ты знаешь, если бродячая собака укусит, что будет?..

Я отвернулся, чтобы скрыть улыбку:

— Может не беспокоиться, товарищ Тузир. здесь Вас никто не укусит.

— Я верю своему заму, — сказал мой начальник. — Теперь я спокоен.

“Удивительно, — подумал я, — такой мужчина, а боится собак. Или темноты?..”.

Пока мы шли на станцию, он давал мне наставления:

— Ты теперь мой настоящий зам, — подчеркивая каждое слово, говорил он. Зам должен поддерживать начальника. Если я пью — ты тоже должен пить. Если я гуляю с женщинами, — ты тоже должен гулять! Если ~~занял~~ я делаю деньги — и ты должен научиться, а то никогда не станешь большим начальником. Ты меня понял?!!

— Понять-то понял, — ответил я. — Только пить мне нельзя. Насчет денег тоже. Начнем делать деньги, а тут дядя прокурор! Тогда как быть, а?..

Мой начальник по-братьски прижал меня к себе, остановился, повернулся лицом ко мне, затем отстранил как бы изучая:

— Ты что, прокурора боишься?

— Боясь, — без заминки ответил я.

— А ты не бойся, когда имеешь такого начальника, как я!

— Как же не бояться?

— А очень просто. Боязливые люди не понимают, что прокурор тоже человек, он тоже хочет жить. Зачем он меня возьмет — это ему не выгодно. Он возьмет того, от которого он не имеет выгоды. Так что, это золотое правило жизни. Все хотят жить, а кто хочет хорошо жить, те не ссорятся. Они дружат, как братья одиной крови.

Я молча слушал. Он снова полусобирал меня и мы направились к зданию вокзала.

Несмотря на то, что станция была сделана строителями и сдана в постоянную эксплуатацию, территория ее не была освещена. На втором этаже, в окне дежурного, горел огонек. Мой начальник заметил это и удивился:

— Почему на таком большом вокзале всего одна лампочка горит, ты можешь мне объяснить, а?

— Пока нет необходимости, поэтому энергетики не подключили.

Тут мой начальник с истинно кавказским темпераментом хлопнул себе по бедрам и стал возмущаться:

— Ва-ай, ва-ай, какая безхозяйственность кругом! Столт на таком прекрасном месте Кавказа такое здание из стекла, алюминия и мрамора и пустует!

Мой начальник взял меня за рукав, потянул к себе и зашептал:

— Если бы это здание дали мне хотя бы на время, товарищ Горбатенко! — Он даже прыгнулся. — Я бы из этого вокзала сделал изюминку! Набрал бы себе молоденьких девочек, — пусть продают себе соки-мороженое, а я был бы у них директором. И государству дал бы доход, сколько ему надо и... — Тут он сделал клюпую мину и даже замотал головой. — Пропадает добро, а мы мучаемся, строим железную дорогу. А зачем? — и засхал и заахал мой начальник и даже подтолкнул меня в спину.

У входа в вокзал я остановил своего начальника и стал предупреждать, чтобы он особенно не возмущался, если увидит, что у дежурного рехутся в карти. Дорога эксплуатируется пока не на полную мощь.

Мой начальник, как услышал о картах в рабочее время, зашипел:

— Понимаю, я им всем сейчас дам карти, да так, что всю жизнь будут помнить первое знакомство с Тузиром. Кстати, по росту я сойду за полковника?..

Я согласно кивнул головой.

— Смотри, как я их возьму за рога.

Я шел в отчаяние: "Вот черт, — подумал я, — он сейчас начнет колотить и молотить местное жулье, а завтра погремим на всю стройку".

Но, по-видимому, моему начальнику было море по колено. У двери он остановился, послушал гаджет, рывком открыл дверь

и одним махом очутился у стола дежурного, и резким командирским голосом спросил:

— Кто здесь начальник, ин-иго-оди, сукин сын?! — При этом он вел себя совершенно спокойно.

На громовой голос выбежал дежурный по станции — Дохлани, как ошпаренный. Увидев у служебного стола незнакомого грозного начальника, застыл на месте. За пультом тоже притихли. Затем осторожно вынула голова блатного Гондо: измятое лицо с кошачими глазами. Вылезли мордатый Кола и лысый Андур. Словом, вся братка, все шесть дружков Дохлани.

Мой начальник держал их с минуту как бы под гипнозом, а потом на его лице появилась смиренная, надменная улыбка.

Первым из опешения вышел Гондо. Он не забыл заграбастать банк, спрятать карты.

Тем временем, мой начальник с важным видом вынул из бокового кармана небольшой, серебряный в перламутре, блокнот, по золоченную авторучку. Но его извелению картечники встали в ряд. Те засуетились и, почти по-армейски, выстроились в шеренгу по росту. Вперед вылез Гондо. Гондо понравился моему начальнику. Он почувствовал в нем лидера этого микробюдьства.

Мой начальник с важным видом направил золотую ручку на Гондо. Тот замер, как под пистолетным дулом.

— Кто ты? Имя, фамилия?

— Гондамус Грамматикус, — сухавшись, ответил тот.

— Кем работаешь?

— Главным инициатором формирования и маневрирования поездов.

Слово "главный" понравилось моему начальнику, потому что и он был главный.

— Паспорт и военный билет есть?

Гондо искарил по карманам, с усердием пристянул документы:

— Воегда покалуйста, начальник!

Гондо когда-то ходил в зав складах района, потом его прижала местная власть. Но он выкрутился и теперь строил собственный дом.

— Сколько получаешь?

— Двести пятьдесят. — Гондо улыбнулся во весь щербатый рот. — Бывает и больше.

Мой начальник одобрительно кивнул Гондо.

- Ты у меня будешь получать четыреста.. А теперь - следующий.

Вторым по очереди стоял Тгур. Моему начальнику показалось, что осмотрщик вагонов - это так себе: малчики-балам.

- Сколько хочешь получать? - небрежно спросил мой начальник.

- Тридцати! - бойко ответил Тгур.

- Хорошо. Документы завтра к девяти часам принесешь и сдашь Гондо. Понятно?

- Так точно, товарищ начальник! - бойко ответил Тгур.

Таким методом он спросил всех шестерых. Всем он назначил зарплату, будто у него частная лавка. Я ждал, что будет дальше. Дедуриний по станиции хлопал глазами.

Наконец, мой начальник поднял голову и увидел измученного Дохлиани. Ещё раз он ему не стал задавать. Просто против его фамилии (как маленького начальника) поставил в блокноте цифру пятьсот. Затем мой начальник спрятал в карман блокнот, ручку.

- Мое имя - Тузир!

Все, как школьники, уставились на моего начальника.

- Теперь вы знаете мое имя?..

- Да-а-а, - ответили они хором.

Мой начальник принял артистическую позу:

- Я, - он ткнул пальцем в свою широкую грудь, - новый Начальник Управления движения Стройки! Вы все будете работать и на своих работах и у меня. Конечно, у меня Вы будете менять работать, но... больше получать! Я вам всем всё сделаю и вас везде будут уважать как меня! Главным движением, - он положил тяжелую руку на мое плечо так, чтобы все обратили на это внимание, - по работе вы будете подчиняться ему, а по остальным вопросам обращайтесь ко мне. Всё понятно?!

Все согласно кивнули.

Мой начальник поманил пальцем Дохлиани.

- Я - большой начальник, ты - маленький. Поэтому, вызови мне Центр, начальника Управления.

- Какого начальника Управления? - спросил Дохлиани. - Давайте ваш именем, я сейчас попытаюсь заказать.

Мой начальник раскрыл блокнот с номером телефона и протянул Дохлиани:

- Заказывай скорей! Я - и повернулся к Гондо, чтобы рас-

сказать ему пару анекдотов.

Дохлиани поднял трубку пейджетской связи, несколько раз нажал на кнопку вызова, передал номер телефонистке, сна мигом соединила с высоким чином, тут Дохлиани, как ужаленный, срочно позвал моего начальника к телефону:

— Говорите, Центр на проводе...

Мой начальник в коротком доскладе передал Центру, что он на месте. После короткого переговора, мой начальник с достоинством передал трубку Дохлиани. Предупредил Гендо, чтобы он со всеми документами был завтра к девяти часам у вагончика. После всего, мой начальник поднял ладонь правой руки вверх, под вид кавказской "салави", — и мы удалились.

— Ну, как я их? — спросил он на удивление.

— Ничего не скажешь, ловко!

— Я же педагог, знаю психологию человека. Без этого нельзя.

Мне нечем было крыть. Я согласился.

С веселым шумом завалился мой начальник в вагончик, подсел к Черкезу, сказал:

— С Центром переговорил. Управляющий знает, что я здесь. Теперь не грех и погулять!

По команде моего начальника — мы все сели за стол. Он пошарил в корзине и достал оттуда аптечную бутыль, поднял ее вверх:

— Дармани, товарищи! — Он отвинтил пробку, разлил по стаканам. — Водка чистая, собственного производства, — подчеркнул он.

Затем, как и положено у кавказцев, мой начальник произнес первый тост. Он легко пил водку и весело присягал все новые и новые тосты. При этом не упускал из виду закуску. Ел всё подряд. Вообще напоминал, что он спортсмен, чуть не стал чемпионом Кавказа по борьбе.

Черкез и Шабул после первого стакана не стали вступать в соревнование, а молча наслаждались деликатесами и служили тости моего начальника.

Наконец, начальник выпил последний стакан водки, произнес традиционный кавказский тост. Душа его раслахнулась, он сдвинул в сторону стаканы, тарелки с едой и предложил побороться на руку.

— Кто согнет мою руку, — угощая в лучшем ресторане Кавказа! — предложил он.

Шабул сразу нахмурился и сделал недовольный вид:

— Нам тут, уважаемый Тузир, не до силачества. Если есть силы, то на трассе всегда найдешь место применения. Кроме того, на нашу зарплату в лучших ресторанах, сами понимаете...

Черкез насмешливо улыбнулся:

— Если б моя теща ведала ресторанами нашего региона, то я, наверное, кутал бы в лучших ресторанах Кавказа.

От этих слов мой начальник впал в замешательство, но быстро справился с собой и, холодно усмехнувшись, обратился к Черкезу:

— А вы, уважаемый товарищ Черкез, откуда знаете мою тещу? Хотя... — пригляделся к себе от разоблачения, он усмехнулся, — Дай Бог всем такую тещу, как у меня. Мы знаем, что манна с неба не падает, а моя теща может сделать так, что всё, что есть на нашем столе, корзинами будет падать. Разве это плохо? Разве сейчас нам плохо? Нет, не плохо! Не плохо мне — не плохо будет и моим друзьям. — Он с радостью поднял обе руки и запел басом: Пейте, гуляйте, веселитесь, друзья! Чуть Бог вам всем даст такую тещу, как у меня, тогда все пожелают и Богу счастья!.. Ас-са!!!

Черкез подумал: "Только пьяных проповедников не хватало нам на завершающем этапе стройки. И вст он есть!..."

— Все тещи — ерунда! Выпьем коньяк, и я вам расскажу, как я стал — я. Значит, вы хотите знать, как я стал — я? — он поводил перед нами указательным пальцем. — Я вам сразу скажу, мой папа и мама желали, чтобы я был таким, поэтому с детства я рос здоровым. Поэтому, как и все дети пошел в школу. Все закончили школу, и я закончил. Многих моих товарищей взяли в армию, а я не пошел! — Мой начальник приближал свое хмельное лицо то к Шабулу, то к Черкезу, делая при этом умный вид. — Я не дурак, чтобы даром служить. Моя мама сводила меня в психиатрическую больницу и мне дали документ. — Мой начальник приложил ладонь ко лбу и повернул ее на девяносто градусов, чтобы дать нам понять, какой ему дали там документ для представления в военкомат. — После этого меня навсегда освободили от военной службы.

- Менялись времена, а вместе с ними - менялся и Я, - после очередного стакана и закуски, продолжил рассказ начальник. - Папа устроил так, что я закончил институт и даже вступил в ... Да, да, туда! Мама женила, теща подарила на свадьбу "Волгу". а раз моя жена была детским врачом, то я должен был стать педагогом. Вот Я им и стал. Потом стал и директором! Сейчас там немножко пока нехорошо, поэтому я перешел начальником на самую ответственную стройку Кавказа, чтобы оправдаться. Конечно, - добавил он ничуть не смущаясь. - Да, -- на пониженней ноте закончил свой рассказ мой начальник.

Черкез иронично заметил:

- Теперь стройки без педагогов не сдают, как раньше свадьбы не играли без благословения Папы римского.

Мой начальник слизился:

- Конечно, не сдать! Я уже запланировал открыть на каждой станции Курсы, обучать специальностям, чтобы люди хорошо работали.

Черкез с чисто кавказской тонкостью подтрунивал над моим начальником:

- Ты уже опытный директор, а у нас станешь главным директором по подготовке кадров!..

Мой начальник от похвалы Черкеза пришел в восторг и несколько раз, как ребенок, подпрыгнул на стуле, а потом сам стал похваляться:

- Да, я опытный Директор. В моем подчинении было семьсот учеников, и все они слушались меня, - глаза его скруглились. - Понимаете, семьсот учеников и все они хорошо трудятся!

Шабул долгое молчал, но не выдержал и решил тоже выразить свое уважение моему начальнику.

- Раз Тузир там, как Директор, воспитывал хороших людей, думай, этого он добьется и на нашей большой стройке! Предлагай, Черкез, тост в честь нашего нового Директора движения!..

Конъяк исполосился рекой. Черкез крикнул:

- Ура! За Директора движения!

Мы дружно поддержали:

- Ура!!! - Мой начальник опрокинул очередной стакан коньяка.

Черкез и Шабул закурили. Мой начальник тоже закурил за компанию, но с первой затяжкой он так задыхался, что слезы

градом хлопнули из глаз. Он смыл сигарету, платком смахнул слезы, принялся наливать коньяк.

— Я лучше буду пить, чем курить! И лучше расскажу случай из жизни... Сижу я как-то в своем кабинете. Секретаршу отпустил. Иду клиентов. Слышу в приемной шаги. Я углубляюсь в бумаги. По шагам чувствую, что вошли трое. Двое сели у стены на стульях, а третий сел напротив меня, положил на мой стол руки и молчит. Я не подымая глаз: "Вот наехал, — думаю, — упаду в обморок, но не стану подымать голову". Все же, я — хозяин кабинета, — подымая голову. Бай! Передо мной сидит пачка вся в шрамах. Я даже испугался — сижу и молчу. Он тоже молчит. Мои нервы не выдержали. Думаю: "Они, наверно, меня караулили и вот застукали. Сейчас скажут "гоп-стоп" — сграбят сейф, а мне будет тюрьма!"

Мой начальник даже волновался, рассказывая.

— Да как не бояться, — продолжал он, — как железный сидит и смотрит на меня. И, наконец, вежливо произнес: "Слушаю Вас".

— Ты меня знаешь? — спросил посетитель.

А я ему отвечаю:

— Нет, не знаю.

Он мне назло так заявляет:

— Я — вср в законе!

Ну и что, отвечаю:

— А я — не в Законе!

Он тогда чуть привстал даже от удивления:

— Я десять лет сидел.

Я ему:

— А я не хочу сидеть в тюрьме, мне и здесь хорошо.

Мой начальник стал хватать то руку Чертеза, то Шабула:

— Ну, зачем я должен сидеть в тюрьме на пайке хлеба, когда я могу вольно? Вот так, жить, кушать на свободе? Разве от такой жизни, — он указал глазами на стол, — можно отказаться? Этого я не понимаю. — Он покрутил указательным пальцем у виска. — Если он ненормальный, — пусть сидит, а мне и здесь хорошо.

Тут мой начальник понял, что заговорился и снова принялся за свой рассказ.

— Он у меня, товариши, спрашивает: "Сколько тебе надо,

чтобы выписать мне права шоferа? Говори, мой мальчики сейчас не милосердят тебе на стол!"

И ему отвечаю:

— Мне пока ни сколько не надо. Надо Вас сперва зачислить, пройти по экзаменационным спискам, потом можете получить свои права через отдел... "Мотарича".

Мой начальник снова стал искать поддержку у Чиркеза и Шабула:

— Зачем я буду, товариши, нарушать Закон? Нет — не буду нарушать.

Тут мой начальник вспомнил еще что-то из той встречи и сказал, как бы гордясь своим умом:

— вы думаете, мы не встретились больше? — Встретились! В ресторане. Он мне двойне заплатил. Еще и друзьями стали.

Мой начальник очистил стол от пустых бутылок и уставил стол отборными кавказскими винами:

— Товарищи-друзья! Будем теперь пить родные вина Кавказа!

— Если мы загуляем по-директорски, то завтра всё движение встанет, — в шутку возразил Чиркез.

Мой начальник выставил перед собой ладони:

— Уважаемый Чиркез, у русских есть такая поговорка: "Работа не волк, в лес не убежит". А у нас кругом горы, так что, если уж в лес не убежит, то в горы и подавно.

— Уважаемый Шабул, будем придерживаться современного звона жизни: "Кто не пьет — тот работает, а кто пьет — не работает". — Тут мой начальник положил меня по плечу и сказал Чиркезу: "У меня есть зам. Он обязан выручать своего Директора, а вы должны выручать своих Директоров, так что — попробуем вина, а потом я Вам расскажу еще одну историю.

Мой начальник выпил стакан отборного вина и приступил к следующей истории.

— Теперь я вам расскажу одну историю, от которой у меня до сих пор кровь леденеет в жилах, как вспоминаю даже не верится, что я сижу с вами.

Мой начальник для убедительности показал зажившую рану на подбородке. Убедившись, что мы увидели рану, он продолжил рассказ. В волнении он взял сигарету и на сей раз затянулся как заправский курильщик.

— Однажды я, за рулем папиной "Волги" возвращался домой.

У городского парка увидел красивую девушку. Я притормозил, улыбнулся и подмигнул ей. Она в ответ - улыбнулась мне. Я остановил машину, и она сстановилась. Я вышел из машины и подошел к ней, а она пошла мне навстречу. Бах! Это была не девушка, а золото. Я ей говорю:

- Я хотел бы с Вами встретиться.

Она мне отвечает:

- Я - тоже.

Я говорю:

- Пожалуйте в машину.

Она мне отвечает:

- Не откажусь.

- Бах! Друзья, мы сели и едем.

По дороге у нас состоялся примерно такой разговор:

- Ты - красивая девочка.

- А ты - красивый мальчик.

- Ты мне нравишься.

- Ты тоже мне нравишься.

- Я тебя люблю.

- Я от твоей любви мальчика хочу.

Тут я опенил, но потом собрался с духом и отвечая;

- Пожалуйста, я готов. Сейчас завернем туда, где нас не увидят.

▲ она:

- Торопиться не надо. И не здесь. Здесь тесно, лучше у меня дома.

- Бах! - Мой начальник выжались с таким треском забы в ладони, что мы даже вскочили со своих мест.

Тут мой начальник на время прервал свой рассказ:

- Бах! Не могу больше! Здесь, как там русские говорят, - кулумунация начинается. Надо выйти.

Мой начальник налил всем вина, со смаком выпил, закусил шоколадом и стал торопить Черкеза и Шабула, чтобы они быстрее выпили и настроились слушать дальше.

- Бах! Слушайте, что дальше будет. Стениело, я попросил друга, чтобы си меня на своей "Болге" подбросил к моей красотке. Моя розочка меня там ждала. При встрече она сказала, что сама пойдет впереди, а я должен следовать за ней, чтобы знако-

мне не увидели. Друзья! Она идет, а я за ней на таком расстоянии, что чувствую ее дыхание. Только мы зашли в кабину лифта, как она подпрыгнула и повисла у меня на шее.

— Нажми на кнопку, — прошептала она.

Лифт остановился на верхнем этаже. Она мигом нажала на кнопку, и мы полетели вниз — вверх.

— У выхода надо быть осторожнее, — это последняя преграда на пути нашей любви...

На лестничной клетке мы чуть не вспились, напоровшись на какую-то сообу с любопытными глазами. Я, не будь дураком, взял курс в другом направлении и залутал следы...

Мой начальник выдохся. Он прервал рассказ, чтобы совокить себя глотком выпитого вина.

— Слушайте, что было дальше. Моя розочка ждала меня у открытой двери. Она манила меня в свое объятия. Одним прыжком я очутился в комнате. Она заперла дверь. Я нежно обнял ее, прижал к сердцу.

— Миленький, — зашептала она, — я все сделала, чтобы этот вечер мы сба помнили всю жизнь...

Как мы очутились в ее ухоженной спальне в розовом цвете, я не помню...

Мой начальник отдохнул, налил всем по полному стакану вина, произнес тост:

— Давайте, друзья, выпьем за красивых женщин! — и заплом осушил стакан.

— Перед утром, — продолжил он свой рассказ, — когда я был пьян от любви и хмельной от выпитого шампанского, раздались стук в дверь.

— Вах-вах-вах! Долго не раздумывая, я сорвался с постели, бросился к открытому окну — и сразу отрезвел: начинало светать, а внизу, как в бездне, ничего не видно. Я взглянул на свою любовь. Она стояла в костюме Евы, на лице ее отразился ужас. Я решил использовать свою спортивную подготовку. Быстро одевшись, я прошептал ей:

— Я стану за дверь, а ты — открои, как пришелец зайдет, я его...

— Вай, мама, вай! Слушайте, что со мной сделали! Я прижался к стенке за дверью, а женщина открыла дверь. И больше я ничего не помню. Помню только, как открылась дверь, моя розоч-

на отскочила в ужасе и, ударившись об стенку, захала руками лицо. Потом она упала на колени и залилась слезами. Тем временем, волосатый громила, ее муж, зажал меня в угол, приставив к мсему горлу финку. - Я на мгновение потерял сознание, а когда открыл глаза, - услышал дикий крик женщины. Мужчина дрогнул, я пытался скрутить руку с ножом, но ярость соперника была слишком сильна, он успел меня подколоть. Он отбросил меня, кинулся к женщине. Я собрал остаток сил и бросился бежать, куда глаза глядят....

Мой начальник умолк, вынул из корзины бутылку водки, разлил всем, молча нарезал лук, поднял стакан и уставился на Червеза и Шабула:

- Давайте, друзья, выпьем за тех, кто хотел хорошо жить, но не смог... - Он первым, как на поминках, выпил, опустив на грудь голову, с минуту молчал.

- Дальше было вот что, друзья. - Мой начальник поднял голову. - И обливаясь кровью, бежал. Город еще спал, на улицах - ни души. Я петлял по закускам, как заяц от борзых собак... Тут я увидел дворника, кинулся к нему:

- Спаси, добрый человек, спрячь меня.

- Дворник оказался курдом. А эти люди понимают только в таких делах. Без лишних слов, он спрятал меня в подвале, где держал стадо баранов, а сам побежал за родственником, на машине привезти моих папу и маму.

- Бах! Какой ужас! Бах! - запричитал мой начальник. - Вокруг бараны лежат, а я стою, обливаясь кровью, и думаю: "Вот сейчас этот голсоворез - финка в зубах - заберется через сткытое окно и прирежет меня, как барана. И Тузир исчезнет с лица земли".

- Товарищи, дорогие, я далеко не дурак, сразу сосбражать стал: поднял лежащих баранов, а сам лег между ними. Лежу - дрожу, кровь течет, теряю память, а папы и мамы - все нет... Но вот я услышал торопливые шаги, голос отца. Я кинулся к нему. Отец стал успокаивать нас:

- Тише, без шума, добрые люди еще спят.

- Отблагодари моего спасителя, стей, - попросил я.

Мой папа без лишних слов отчитал курду десять сторублевых, снял его, как родного брата. Мама сняла с левого указательного пальца тяжелое кольцо и передала курду в знак благо-

дарности. Курд - в знак уважения, поднес отцу барабан и бросил в багажник "Волги".

В дороге мать закатила истерику и стала рвать на себе волосы.

- Вай, какой позор на мою голову... а если узнают родственники?.. Вокруг?..

Отец стал ее успокаивать:

- Радость моя, не убивайся, не цугай ребенка, вспомни, - чего только не было в нашей жизни! За это дело били и меня до смерти, и кололи, и вешали. А я выжил и женился на такой красавице, как ты.

Мать не унималась.

Отец остановил машину у автобусной остановки и строго приказал матери:

- Моя радость, добирайся домой и готовь вечерний стол для гостей. Тузира я оставлю на попечение моей мамы и с барабаном в багажнике вернусь, устрою пашлык.

Мать притихла, платком смахнула слезы, с удивлением посмотрела на отца.

- Делай, как я сказал, - продолжал отец. Соседям скажи, что сына, как хорошего спорсмена, срочно послали на сборы за границу.

Отец повернулся ко мне и ласково улыбнулся:

- А ты, как говорится, гуляй Вася, пока я жив. За два месяца - моя мама на чистых природных продуктах так тебя выпечет и откорумпит, что у невест будешь нарасхват...

Мать вышла на остановку, а мы помчались в горное селение, к бабушке...

После моего возвращения "с загранкомандировкой", отец закатил мне свадьбу "на полкавказа". Самая богатая теща Кавказа, - Тузир довольно усмехнулся, - стала моей тещей.

Со стороны было видно, что Черкез и Шабул давно устали от моего начальника. Они слушали его из вежливости. Наконец, Черкез не выдержал и предложил на сегодня закруглиться.

- Утром не встанем, сорвем работу строителей, - веско сказал он.

- Да, да, - поддержал его мой начальник и первым поднялся из-за стола. Он расслабил ремешок брюк, исподневато истянулся, подозвал меня к себе и шепотом спросил:

- Здесь есть женщины? Я хочу женщину!

Я спешил:

- У нас здесь всего один пятиэтажный дом, - ответил я. - Но там живут семейные.

- Да! Друзья! Ка-ак вы живете без женщин? - Я не могу так! Каждый день, когда я прихожу домой, мой папа спрашивает: "Ты, сынок, сегодня гулял?..". Если я ему скажу, что не гулял, он меня домой не пустит, скажет: "Иди гуляй, потому что, я сам гуляю". А вы, - он даже скривился при этом, - выпили, поели и сидите в этом маленьком вагончике? - Нет, я так не могу!

Черкез подмигнул мне:

- Твой начальник - тебе и заботиться. Его теперь не только арканом, даже сорокамиллиметровым треском не удержишь!..

- Черкез, ну куда мне в первом часу идти? Сами знаете, семейные голову оторвут!

- Твою не оторвут, тебя знают, а твоему начальнику, как виску, не привыкать!

Мы посмеялись и стали думать, куда же свести нашего доиндуана. Мы долго ломали головы, но придумать ничего не могли. Вдруг Набул вспомнил, что комната на пятом этаже пустует, ключ у комендантши. На третьем, в двухкомнатной квартире бывшая краснощница из звенесборской базы. Только к ней, большие - некуда.

Мой начальник загорелся:

- Была бы женщина, а остальное будет.

Мы вышли на улицу, нырнули в густой молочный туман. Первые я в такой поздний час шарахался по безлюдному поселку по какому-то вопросу, и впервые у меня не было другого выхода.

Краснощница с первого взгляда очень понравилась моему начальнику. По такому случаю он послал меня за коньком в бардачник "Волги". К исходу возвращению на газовой плате жарилась картошка. Мы снова сели за стол. Мой начальник спорожнил свою тарелку и принялся за мое.

- Ты теперь мне не нужен, - сказал он. - Иди стихай. Здесь все в ахуре, завтра ровно в шесть я буду у вас.

Черкез меня поднял ровно в шесть. Начальника не было:

- Давай, Горбатенко, подпланируем работу на две ходки: первым поднимем на гору хоппер-дозаторную вертушку из двадцати единиц с балластом, - пока строители разгрузят, мы вернем-

ся за коммерческими грузами.

К семи часам стали формировать вертушку из трех двухсекционных тепловозов ТЭЗ спереди и одной двухсекционной, и двумя маневровыми тепловозами сзади.

После тщательной проверки и спрессования тормозов каждого вагона и локомотива с десятиминутной выдержкой – ровно в восемь, по команде Черкеза машины тронулись в путь. Первым рывком контролеров – заурчали дизели, а потом перешли в гул монотонного рева; состав тронулся, застремившись на рельсы, задрожала земля: поезд черепашим шагом, обволакиваясь и окутываясь плотным серым дымом тепловозов, стал ползти в непрерывный тридцатикилометровый – сорокатысячный подъем к вершинам Кавказских гор, чтобы спуститься затем через извилистые ущелья вниз.

Два двухсекционных тепловоза еле-еле дотянули до первого разъезда. От длительной перегрузки и нехватки вентиляции при низких скоростях, да и физического износа – задымили обмотки тяговых двигателей и выпали из строя. Дальше пришлось поднимать вертушку по частям. Так что за коммерческими вагонами вернулись только к вечеру.

В двадцать минут третьего я загнал тепловозы на стой, а сам поплелся голодным-холодным в свой вагончик. Черкез остался на трассе. Шабул должен был уехать в трест, чтобы выбить от заказчика оборудование для олаточных объектов. Я шел и думал: "Наверное, техника убрала вагончик и даже все объедки выбросила. Я же, с загулом нового начальника, не успел запастись продуктами, поэтому придется, положа зубы на полку, ложиться спать".

Я уже почти доехал до ночлега, когда путь мне преградила огромная темная фигура. Хорошо, что хоть она подала голос и я узнал моего начальника.

– Ваф! С утра я тебя жду, дорогой. Навай, зам, докладывай!

Узнав, что все работы выполнены, он радостно заявил:

– Я тоже план выполнил! Иди, дорогой, кушай, пей и отдохни на здоровье. Теперь я буду работать, к шести часам я вернусь. Медвежий лапой пожав мне ручку, он неспешно направился к единственному огню, горевшему на третьем этаже пятиэтажного дома. Я вздохнул, пошел к своему вагончику. Двери его были открыты настежь, везде горел свет. На столе, на длинном блиде

лежал зарезанный поросенок... На полу, в одной корзине лежала двадцатилитровая бутыль с вином, в другой - пятилитровая с чаем.

Как потом выяснилось, к девяти часам Гондо привел толпу с документами. Среди них оказался весовщик, который через день должен был играть свадьбу. Мой начальник обещал в честь свадьбы подкинуть тому зарплату побольше. Гондо ускорил свадьбу, и она состоялась в тот же день. Начальник гулял на свадьбе. От тестов моего начальника - все пришли в изумление и восторг. Гондо не терял время даром и заправил багажник "Волги" продуктами со свадебного стола.

Утром, без десяти шесть, зазвенел полевой телефон. Звонил Черкез. Начальника моего не было. Он не появился и в последующие дни. Потом я узнал, что мой начальник сидит у себя в кабинете в подразделениях треста и в ус не дует. Как только у меня появился начальник, появился и второй день отдыха: в день закрытия нарядов все эксплуатационники бросали работу и устремлялись в лучшие рестораны Центра. Там-то, за столом, мой начальник и определял, кому и сколько заплатить. Так как я почти не ходил, и не участвовал в этих пирах, мне соответственно и платили.

По стройке пошли слухи, что мой начальник пачками принимает рабочих. Но не всех подряд, а только тех, кто доверяет ему свои документы. И однажды, вернувшись с трассы, Черкез спросил нас:

- Вы новости трассы знаете?

Мы с Шабулом покали плечами.

- Тогда я вам сейчас расскажу. Мы все замы - разъезды. Вот начальник Горбатенко, тот время даром не терял. Успел на всех станциях побывать, составить списки, кто где желает работать. Собрал куш, обмыл везде это дело и уехал поближе к теще. Оттуда руководит движением - не столько поездов сколько - нарядов...

Ай с Шабулом присвистнули:

- Ай, да Директор движения! Мы не успели и подумать об этом, а он свои задумки претворил в жизнь...

Бастунцы день сдачи дороги в постоянную эксплуатацию. Черкез с Шабулом устроили в нашем жилом вагончике, по-кавказски-му обычью, небольшой прощальный ужин. Не оговариваясь, мы ульб-

нулись и подняли тост за моего начальника. Потом пошли теплые воспоминания с трудных километрах новой Кавказской перевальной дороги, о друзьях-товарищах, которые встретились на ней. Оценили и "вклад" в строительство моего последнего начальника. Ночью мне снился мой начальник. Он не то произносил тост, но то призывал меня идти вперед. Куда?..

Проснулись мы рано. Наш вагончик плавал в молочном тумане. Мы быстро умылись, попили чаю, обменялись адресами. Мы вышли на улицу. Уже встало солнце. Среди возвышеностей и впадин серебрилась цепочка. Это была дорога, проложенная нами, в этом краю.

Мы по-братьски помахали друг другу руки, пересигнулись, ощущив добрую надежду на встречу - уже на Транскавказской железной дороге....

oooooooo